

Участие в Афганской войне заняло десять лет советской истории >

▼ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА • ПОЧЕМУ СЕРГЕЙ БЕЛОВ НЕ ЛЮБИТ ВСПОМИНАТЬ АФГАНСКУЮ ВОЙНУ

Шурави. Соль под бронником

Нелля КАЛИЕВА

30 лет назад Сергей Белов, как и миллионы граждан СССР, смотрел по телевизору репортаж о выводе советских войск из Афганистана. И словно отлегло от сердца. Сам он к тому времени пять лет как вернулся из Афгана, но в семье подрастал сын, и, конечно, не хотелось, чтобы и на его долю выпала война.

За эти годы Сергей Анатольевич никому и не рассказывал о службе — разве что однажды для сборника «Память наших дней» поделился воспоминаниями о боевой операции под Кандагаром, за которую его наградили орденом Красной Звезды. — Вообще вспоминать не хочется ничего, — признаётся он. — У нас никто не любит рассказывать — из тех, кто остался. Осталось их — ребят-одногодок, вместе с которыми он 1 апреля 1982 года пришёл в Октябрьский военкомат Белгорода, — мало. Многие ушли из жизни спустя годы после возвращения из Афгана. Вспоминать то время — душу бередить. Но и забыть не получается. Вот что он рассказывал, общаясь с нами.

В карантине

В военкомате кто-то сказал, что отправят нас в заграничку: ведь нам выдали настоящие кожаные ремни, а не «деревянные» (то есть брезентовые). Мы решили, что попадём в Германию.

Забрали в Курск, недели две шло распределение, а потом 90 белгородцев посадили в поезд и отправили в магестанский Буйнакск. Там проходили курс молодого бойца. Бежали по горам, стреляли. Мы, белгородцы, хулиганистые были, своих на обиду никому не давали, держали местных на ушах. Тогда майор Трошин проболтался: мол, в Афган попадёте — узнаете. Провожая нас, сказал: «За 25 лет у меня такого призыва, таких оторвил не было. Я вас надолго запомню».

Некоторым говорили родные: давай заплатим, чтоб не отправляли в Афган. А как потом в глаза пацанам смотреть? У нас один так и отмазался — привезли бумагу, что женился он, жена беременная. А потом он прятался от нас. Жили-то в одном городе, частенько его видели. Встретим, обернёмся — плюнем ему вслед и пойдём дальше.

Плюс 60 в тени

В июне посадили нас в Ил-76, и в Кабул. Летели, наверное, часов пять. Аэропорт — взлётная полоса, две вертушки стоят. Вокруг горы, зелёнка (заросли деревьев и кустарника. — Прим. ред.). Мы выгрузились, дембеля погрузились — домой, в Союз.

До вечера посидели в казарме, пока покупатели (офицеры, отбирающие новобранцев для своих частей. — Прим. авт.) отбирали, кого куда... Нас 15 человек забрали в автороту. Часть находилась километрах в трёх от Кабула. Недалеко — дворец Амина, километром ниже с одной стороны — ущелье, с другой — кишлаки.

Первый год мы привыкали к жару. В Афгане в июне днём

+40-50 градусов в тени, в июле-августе +60. Постоишь два часа на солнце — соль выступает на форме, железным всё становится. Два раза в день стирали себе, иначе лопаются, ломается одежда. Баня раз в неделю обязательно, это первое дело. Тяжелее всего было питерским ребятам — на солнышке падали в обморок. А когда ещё и в машине... Железо нагревается до такого, что яйцо разбей — можно поджарить.

Воду сырую не пили, иначе моментально желтуха, тиф. Арык течёт, а выше по течению ишак дохлый валяется. Воду в бочках привозили, мы её кипятили и заваривали чай из верблюжьей колючки, очень хорошо она жажду утоляет.

Зимы плохие, с резкими перепадами: ночью холодно, днём жарко, слякоть, ноги мокрые. Каждый день двое-трое — в санчасть.

Сашка и Мишка

Поселили нас в палатках на 40 человек. Кормёжка не сказал бы, что хорошая. Картошку толчёную называли клейстером. Ложку тянешь — и тарелка за ней тянется. В штабных машинах для офицеров — кунгах — стояли плиты типа буржуйки. Ночью там картошки нажарим, хлебужек у нас с собой. До вечера так и терпели, в столовую никто не ходил. Если только узнаем, что из Союза привезли что-то новенькое — макароны, гречку. Мясо бывало, если барана где-то раздобудут. Свиной в части держали.

Раз в месяц мы деньги получали — 11 чеков (в переводе 33 рубля). При части магазин был — чипок. Сигареты там покупали: «Родопи», «Столичные», «Яву». Те, что выдавали бесплатно, — «смерть на болоте» (так мы называли «Охотничьи» сигареты), такие термоядерные, их в основном молодые курили, у которых денег не было.

Двое местных пацанов товар носили: высокие афганские носки на завязочках, часы... Не только за деньги. Дашь им взамен полотенце махровое или ложку алюминиевую. Афганцы алюминий плавил и делал свои какие-то вещи. Пацаны честные, по-русски знали. Нормальные с ними отношения были, мы их по-своему Сашкой да Мишкой звали.

О мирных афганцах

Афганцы русских солдат называли «шурави». Днём в кишлак зайдёшь — они мирные. А границу кишлака перейдёшь — даже пацанёнок, если оружие умеет держать в руках, может убить. Точно как в фильме «9-я рота». Потому что за солдата, за офицера деньги платили. В дукане (афганский магазин) любой мог оружие купить.

ВСПОМИНАТЬ ТО ВРЕМЯ — ДУШУ
БЕРЕДИТЬ. НО И ЗАБЫТЬ НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ.

стр. 2 >

Шурави. Соль под бронником

1
Если где-то заваруха — кишлак с кишлаком перестреливаются, — мы не влезали. Особенно в вечернее время видно: трассирующие в одну сторону полетели, боевые — в другую. А мы стоим наблюдаем. Прарпорщик шутил: мдл, пускай поговорят ребята. А то мы один раз влезли — оба кишлака перекинулись на нас. Из зелёнки чаще всего обстрел был. На машину ставили миномёт, два снаряда кинут с одной точки, потом ещё два с другой — путали следы.

Сладкого хотелось в Афгане — край. Не знаю, почему. Хоть и жарко, пить потом хочется. Ящик сгущёнки выдадут на взвод, откроешь и с буханкой хлеба наяриваешь. Пацан наш один проезжал через кишлак, купил в дукане заварное пирожное. До части не доехал — сердце остановилось, пирожное отравленное оказалось. Мы как раз в рейсе были, возвращаемся — так и так, говорят, один домой в цинке поехал.

Ремень — тоже оружие

Бронники (бронешлемы) и автоматы всегда были с нами. На метр от палатки отходишь — с автоматом. Я раз-другой забыл, выскочил из палатки без оружия, захожу обратно — прарпорщик сидит, улыбается: «А

Сергей Белов не любит вспоминать о тех днях

где твой автомат?» Спрашал, научиться меня хотел. Эту учёбу я надолго запомнил.

Когда ездили на боевые — у меня на крыше 131-го ЗИЛа матрас лежал. Подушки ватные забивали в двери для защиты: пуля не пробивает вату. Один бронник наденешь, другой в кабине над головой вешаешь.

Ремень у солдата — тоже оружие. Пряжка гнутая, один край застачивали напильником: консервные банки открывать хорошо. А на руку наматываешь — мало не покажется. На боевые выезжали — надевали ремни с зелёными пряжками, чтоб ничего блестящего в одежде не было.

Бирки носили — на бумажке пишешь фамилию-имя, год рождения, группу крови. Вставляли её в трубочку из-под капелницы и пулей концы соединяли. Кто на боевые идёт — обязательно чтоб было.

Кандагар-83

Доставляли мы технику в Кандагар. Сначала два дня ехали до Газни, ещё два дня до Кандагара. Колонна идёт очень медленно: кто-то подорвётся на mine — надо разгрузить, стянуть машину в кювет, облить бензином и поджечь, чтобы духам не досталась. На обратном пути на засаду напоролись. Содной стороны колонны обрыв метра два, с другой — склон, кишлак, дальше — горы. Первую машину подорвали — идущие следом стали стягивать. Думали, первый просто на мину наехал. А духи и заднюю взорвали, и начали колонну из крупнокалиберного поливать. Много раненых, убитых было. Комбат наш погиб.

По кабине моего ЗИЛа очередь прошла — одна гуля мимо виска пролетела, вырвала клок панамы. Тут же — разрывная в рулевую колонку и в ногу, коленную чашечку вырвало. Состояние шоковое, я не сразу понял, что ранен. Решил — чего под обстрелом стоять. В кювет на машине нырнул, и все следом за мной. Пацаны потом сказали, если бы не нырнули мы в овраг, ещё больше

погибло бы ребят. Наши в ответ из «Градов», гаубиц как дали залп по кишлаку, откуда огонь шёл, за пять минут сравняли с землёй.

Меня в 66-й (ГАЗ-66) положили, очнулся я в госпитале. Сделали операцию, но забыли вены пошивать. Утром нога огухла, кровью налилась. Быстренько на операцию, пошивали всё. Серёга Казанцев — друг детства, мы с садика вместе — пришёл ко мне в госпиталь, принёс дыню, виноград. Его танковая часть в Кабуле стояла. На костылях когда прыгал, частенько в палатку к нему ходил — чай заварим, посидим.

После госпиталя я узнал, что к ордену Красной Звезды меня представляли за то, что первым до адылся в кювет нырнуть и тем самым ребят спас. Там я заболел желтухой и попал в Союз — в Азедбаш (Узбекская ССР). А 1 апреля 1984 года вышел приказ, и я с первой партией улетел домой.

Мурашки по коже

Письма я не любил писать, раз в месяц несколько строк. После ранения написал домой: «Жизнь здоров, лежу в госпитале». Мне родители писали, сестра, брат. Интересно было узнать, что дома делается. Нам прарпорщик говорил, чтобы глупостей не писали. Объясняли так: вы выполняете интернациональный

долг, защищаете родину. Сейчас думаю, там шла борьба за территорию, чтобы американцы не поставили свои ракеты.

Орден я получил в Белгороде, уже год дома был. Вместе с Серёжкой Казанцевым пришли в областной военкомат. Лохматые вручили Серёге медаль «За отвагу», мне — Красную Звезду. Поехали обратно, зашли в троллейбус — мужичок место уступил: «Садитесь, ребята, пожалуйста». Аж мурашки по коже. Это 1985 год, Афган на слуху, уважение было к воевавшим.

Поначалу снилось афганское время, друзья. Тяжело было, что-то в душе кипело, не знаю, как объяснить. Кому там страшно не было — особенно на второй год, когда уже домой собираешься? Дураку только. Когда в Союз попал — слава тебе, господи, думаю.

Я, когда вернулся, взрывной поначалу был. А потом стало забываться, немножко успокоился. Первое время мы, кто в Афгане служил, собирались 5 августа в парке на Везёлке. Держались вместе, старались помогать друг другу. А 20 лет назад я уехал в деревню и не бываю нигде. Юбилейные награды мне уже в сельсовете вручали. Друг вот только приезжает — он и Афган прошёл, и Чечню. Посидим вспомним.